

Тищенко Наталья Викторовна

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ НАКАЗАНИЯ

В статье анализируются теории, послужившие базисом для формирования классической пенитенциарной системы, а также показаны теоретические противоречия и социокультурные конфликты, возникшие как следствие функционирования пенитенциарной системы, которые спровоцировали разработку методов наказания, не связанных с лишением свободы. Критическому анализу и сравнению с отечественной действительностью подвергаются международные документы, утверждающие нормы альтернативных способов наказания. В результате автор предлагает классификацию социальных и культурных барьеров, препятствующих применению способов наказания, не связанных с лишением свободы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 190-193. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 008:316.37

Культурология

В статье анализируются теории, послужившие базисом для формирования классической пенитенциарной системы, а также показаны теоретические противоречия и социокультурные конфликты, возникшие как следствие функционирования пенитенциарной системы, которые спровоцировали разработку методов наказания, не связанных с лишением свободы. Критическому анализу и сравнению с отечественной действительностью подвергаются международные документы, утверждающие нормы альтернативных способов наказания. В результате автор предлагает классификацию социальных и культурных барьеров, препятствующих применению способов наказания, не связанных с лишением свободы.

Ключевые слова и фразы: консеквенциалистская теория наказания; эмпирические исследования тюремных субкультур; пенитенциарная система; лишение свободы; наказания, не связанные с лишением свободы.

Тищенко Наталья Викторовна, к. культурологии, доцент

Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.

mihailovan@inbox.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ НАКАЗАНИЯ[©]

М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать» с иронией замечает: «“Очевидность” тюрьмы, с которой нам так трудно расстаться, основывается прежде всего на том, что она – простая форма “лишения свободы”. Как же тюрьме не быть преимущественным средством наказания в обществе, где свобода – достоинство, которое принадлежит равным образом всем и к которому каждый индивид привязан “всеобщим и постоянным” чувством?» [10, с. 339]. Несмотря на то, что функционирование пенитенциарной системы не снижает рост преступности, а, наоборот, провоцирует такие тяжелые социальные и культурные последствия, как увеличение рецидивной преступности и маргинализацию отдельных субкультур, лишение свободы остается самым распространенным способом наказания. Целью статьи является критический анализ причин и тенденций, которые привели к распространению в судебной и исполнительной практике мер наказания, не связанных с лишением свободы, а также выявление несоответствий между международными нормами и отечественной практикой в сфере исполнения наказания.

Одним из объектов критики М. Фуко является консеквенциалистская трактовка наказания, квинтэссенцию которой выражает тезис: «государственное наказание – это практика, продиктованная легитимизирующими целями и ценностями», чья задача принести максимальное благо обществу и свести к минимуму возможный вред [13, р. 45]. Фундаментальные основания этой концепции связаны со сциентистским подходом к пониманию общества и технологиями социальной инженерии, подразумевающими возможности внесения корректировок и изменений в социальное бытие [7, с. 27]. На примере пенитенциарной системы эти идеи воплотились в известной практике ресоциализации осужденного, перевоспитания посредством трудовой деятельности и просвещения.

Продолжением критики М. Фуко стали либеральные теории наказания или концепции «справедливого возмездия». Большую распространенность эти идеи получили в 70-80-е гг. XX века, когда была подвергнута критике консеквенциалистская трактовка наказания. Общей чертой консеквенциалистской теории является то, что она трактует наказание как необходимый инструмент обеспечения объективного блага, оказывающегося внешним по отношению к самому процессу наказания и тем, кто его осуществляет. Волна критики пенитенциарной системы и концепции наказания как легитимизированного насилия была частью общего процесса критики институтов «государства всеобщего благоденствия», которые в 1970-х годах стали восприниматься разнообразными исследователями и общественными деятелями не как необходимый способ решения социальных проблем, а как канал всевластия бюрократии, которая сама и была источником социальных проблем и притеснений [13, р. 89]. Здесь, конечно, необходимо говорить, прежде всего, о структуралистской и неомарксистской критике таких явлений, как власть, социальная система и социальный институт [5]. Разгоревшиеся в рамках этих направлений дискуссии подвергли сомнению право государства с помощью наказания добиваться морального порицания, просвещения и перевоспитания конкретных правонарушителей и их социальной реабилитации [12, р. 115-121; 13, р. 92].

Второе важное явление, которое повлияло на трансформацию представлений о способах наказания, связанных с лишением свободы, – это распространение эмпирических исследований пенитенциарной системы и тюремных субкультур. Именно в этот период исследователи отказываются от исключительно умозрительных рассуждений о природе «преступления» и «наказания». Философский, этический, политический контексты пенитенциарного дискурса дополняются эмпирическим материалом, содержащим важные сведения как об осужденных, так и о законопослушных гражданах, испытавших на себе влияние тюремных субкультур [16; 18]. Первоначальная реакция на результаты эмпирических исследований была предсказуемо негативная и пессимистичная – не может существовать эффективных механизмов борьбы с преступностью, и тюрьма является пространством, порождающим преступность, а не исправляющим ее [15, р. 43-44]. Повсеместный рост преступности, увеличение рецидивной преступности, вовлечение в преступную деятельность новых групп населения (подростков, женщин, этнических групп и т.п.) только лишь подтверждали первое впечатление [17, р. 128-154]. На волне

всеобщего разочарования в пенитенциарной системе появляются идеи дифференцированного и индивидуально-подходов к наказанию. Теоретики начинают акцентировать внимание на правах преступников в той же степени, как и на правах потерпевших [14, р. 142-158]. А в судебной и пенитенциарной практике получили распространения наказания, не связанные с лишением свободы.

В 90-х гг. XX века перед юристами, общественными деятелями, законодательными органами различных государств была поставлена задача выработать нормы и механизмы наказаний, не связанных с лишением свободы. Среди основных, принципиальных положений, содержащихся в Европейских пенитенциарных правилах, прежде всего следует отметить требование, согласно которому «никто не может быть лишен свободы, за исключением случаев необходимости использования данной меры в качестве крайней и в строго установленном законом порядке» [1, с. 91]. Международные стандарты, регулирующие наказания, альтернативные лишению свободы, – это общие правила, единые межгосударственные требования, которые предъявляются к национальному уголовно-исполнительному (пенитенциарному) законодательству и практике применения наказаний, не связанных с лишением свободы осужденного. Основная часть стандартов представлена в двух международных нормативных актах: Стандартных минимальных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правилах) 1990 г. [8, с. 91-105], и Европейских правилах применения общественных (альтернативных) санкций и мер 1992 г. [2, с. 115-124]. Эти документы содержат общие принципы применения мер наказания, не связанных с тюремным заключением, включая период предварительного следствия, судебное разбирательство, период после вынесения приговора, перечень наказаний, альтернативных лишению свободы, гарантии и специфику правового статуса осужденных, требования к режиму отбывания наказания, не связанного с лишением свободы, и способам надзора за исполнением таких наказаний, вопросы участия общественности в исполнении альтернативных наказаний, а также требования к персоналу учреждений, занимающихся исполнением наказаний. Международные документы подчеркивают незавершенность процесса формирования нового типа наказания и предлагают соответствующим структурам активно включаться в разработку альтернативных лишению свободы способов наказания.

В соответствии со ст. 2.3. Токийских правил «система уголовного правосудия должна предусматривать широкий выбор мер, не связанных с тюремным заключением, от досудебных до послесудебных» [8, с. 94]. Кроме того, в ст. 2.4 особо подчеркивается, что «следует поощрять разработку новых мер, не связанных с тюремным заключением, и внимательно следить за этим процессом, а также систематически оценивать практику их применения» [Там же, с. 95]. Однако анализ международных документов, посвященных альтернативным методам наказания, показывает, что воплощение в действительность этих норм требует проведения серьезных социальных реформ: нужны и специалисты, которые будут следить за осуществлением этих видов наказания, и технические условия, позволяющие реализовать новые стратегии наказания. Так, на основании п. 8.2. Токийских правил при назначении наказания, в качестве мер, альтернативных тюремному заключению, возможны следующие санкции:

«а) устные санкции, такие как замечание, порицание и предупреждение; б) условное освобождение от ответственности; в) поражение в гражданских правах; г) экономические санкции и денежные наказания, такие как разовые штрафы и поденные штрафы; д) конфискация или постановление о лишении права собственности на имущество; е) возвращение имущества жертве или постановление о компенсации; ж) условное наказание или наказание с отсрочкой; з) условное освобождение из заключения и судебный надзор; и) постановление о выполнении общественно полезных работ; к) направление в исправительное учреждение с обязательным ежедневным присутствием; л) домашний арест; м) любой другой вид обращения, не связанный с тюремным заключением; н) сочетание перечисленных выше мер» [Там же, с. 101-102].

Все перечисленные меры наказания, не связанные с лишением свободы, можно разделить на три группы: 1) социальные санкции (пункты а, в); 2) экономические (пункты г, д, е, и) и 3) правовые (пункты б, ж, з, к, л). Самыми спорными в этом ряду являются социальные санкции. В отечественном законодательстве подобные санкции отсутствуют вообще. Если сравнить перечень действующих уголовных наказаний, который приводится в ст. 44 Уголовного кодекса, то ничего схожего с европейской нормой наказания в виде «замечаний, порицаний и предупреждений» мы не обнаружим [9]. Но даже если бы подобная норма и существовала в российском законодательстве, достаточно сложно представить механизм ее осуществления и результат ее воздействия на осужденного. Ведь действительность этой нормы имплицитно подразумевает наличие в общественной структуре как минимум трех факторов: 1. единого четко артикулированного общественного отношения к преступлению и правонарушению; 2. уважения и признания эффективности общественного порицания со стороны граждан; 3. эффективных механизмов воздействия на правонарушителя силами общественности. Все эти факторы связаны с культурой общественной жизни и личного поведения, опираются на традиции воспитания и нормы общественно приемлемого поведения, т.е. подразумевают «гармоничное единство социальных институтов российского общества» [11, с. 205], которое на сегодняшний день явно отсутствует.

В международных нормативных правовых актах обращается особое внимание на необходимость привлечения общественности к исправлению осужденного при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Так, в п. 2.5. Токийских правил говорится, что следует изучать возможности принятия мер к правонарушителям силами общественности и избегать, насколько это возможно, проведения формального разбирательства или суда, в соответствии с правовыми гарантиями. Европейские правила также ориентируют на «максимально широкое использование участия организаций и частных лиц, представляющих общество» (п. 45). В п. 48 определено, что объем участия общественности определяется законом или устанавливается органом, отвечающим за исполнение наказаний и мер [8, с. 91-105].

Но в условиях современной российской действительности мы вынуждены констатировать отсутствие как разделяемого большинством населения отношения к преступлению, так и отсутствие уважения к общественному

мнению. Следовательно, отсутствуют и реальные механизмы общественного воздействия на правонарушителя. Международная норма наказания, связанная с общественным порицанием, не имеет в России ни дискурсивных, ни социальных аналогов. Из социальных норм, перечисленных в Токийских правилах, в России применяется норма «поражение в социальных правах», которая в судебной практике выражается в лишении осужденного возможности заниматься тем или иным видом профессиональной деятельности или занимать властные должности. Однако, как показывает судебная практика, в России эта норма дополняет реальное или условное ограничение свободы и не является самостоятельной формой наказания.

Введение экономических норм наказания как альтернативы лишению свободы достаточно симптоматично для современного общества. В эпоху массовой, консьюмеристской культуры экономические рычаги воздействия оказываются самыми эффективными, т.к. поражение в экономических правах (штрафы, лишения собственности и т.д.) ведет и к социальным ограничениям, и к ограничениям свободы действий и выбора. В российской судебной практике штрафы также используются, но доля осужденных к штрафу среди всех осужденных достаточно невелика – на 2010 г. она составляла всего 10,2% от общего количества приговоров. Для сравнения: в европейских государствах эта цифра варьируется от 23% до 42% от общего количества осужденных [3, с. 24].

Особого внимания среди экономических санкций заслуживает пункт д), посвященный конфискации и лишению прав собственности. В современном международном праве общая конфискация имущества рассматривается как мера устаревшая и дискриминационная. Однако существует Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности [4], в которой конфискация имущества рассматривается как действенная мера по предотвращению и прекращению преступной деятельности. Кроме того, и в американском, и в европейском уголовном законодательстве за целый ряд экономических преступлений и иных правонарушений предусмотрены крупные размеры штрафов, сопоставимые с общей конфискацией имущества. В российском уголовном законодательстве конфискация имущества отменена [9]. И подобная мера оказалась на практике противоречивой и несоответствующей ни правовым нормам, ни международным обязательствам Российской Федерации. В результате уже в 2006 году конфискация была возвращена в УК РФ как иная мера уголовно-правового характера [6]. Однако на практике этот закон не функционирует из-за несогласованности соответствующих положений Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов РФ. В результате социальная значимость конфискации практически отсутствует и, с позиции официальной власти, лишение свободы остается самым распространенным способом воздействия на преступника.

Подводя итог рассуждениям о развитии современных представлений об эффективном наказании, необходимо отметить усиление критического отношения к наказанию в виде лишения свободы и традиционным пенитенциариям. Во-первых, рост критики связан с неэффективностью ограничения свободы как меры наказания. Лишение свободы не является на сегодняшний день сдерживающим фактором для правонарушителей, особенно для рецидивной преступности. Во-вторых, тюремное население представляет собой наиболее маргинальную группу, и увеличение количества осужденных только способствует росту маргинального населения. В-третьих, под сомнение поставлена роль официальной власти в системе наказания. Многочисленные нарушения прав осужденных и коррупция среди сотрудников пенитенциариев продемонстрировали несовершенство современной системы наказания. Но критическое отношение к пенитенциарной системе и используемым в ней методам воздействия на осужденного не привели к формированию принципиально новой системы наказания. Введение принципов либерализации и дифференциации наказания в пенитенциарную практику в отечественной реальности сталкивается со следующими барьерами: 1. отсутствие в современном отечественном гражданском обществе механизмов осуждения, соответствующих нормам альтернативных методов наказания; 2. расхождение способов наказания, не связанных с лишением свободы, с такими устойчивыми культурными установками, как неуважительное отношение к законности, снисхождение к определенным типам преступления (коррупция, взяточничество, превышение должностных полномочий); 3. негибкая судебная практика, которая достаточно ограниченно использует наказания, не связанные с лишением свободы. Ни судебная система, ни общественные настроения, ни социальные институты не готовы соответствовать многим нормам и положениям международного права, направленным на снижение количества наказаний, связанных с лишением свободы.

Список литературы

1. **Европейские пенитенциарные правила 1987 г.** // Защита прав человека в местах лишения свободы: сб. нормативных актов и официальных документов. М.: Юриспруденция, 2003. С. 91-111.
2. **Европейские правила применения общественных (альтернативных) санкций и мер 1992 г.** // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: Спарк, 1998. С. 115-124.
3. **Зарубежный опыт исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы** / под ред. А. М. Потапова, А. С. Колосова, А. В. Звонова, Р. В. Комбарова. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. 63 с.
4. **Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kadis.ru> (дата обращения: 09.01.2013).
5. **Маркузе Г. Одномерный человек** / пер. с англ. А. А. Юдина. М.: АСТ; Ермак, 2003. 331 с.
6. **О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»** [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ. URL: <http://www.legis.ru> (дата обращения: 09.01.2013).
7. **Поппер К. Нищета историцизма** // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 22-48.
8. **Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), 1990 г.** // Уголовно-исполнительное право: сборник нормативных актов. М.: Новый Юрист, 1997. С. 91-105.

9. **Уголовный кодекс Российской Федерации**: принят Государственной Думой 24 мая 1996 г., офиц. текст по состоянию на 20 октября 2006 г. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2006. 192 с.
10. **Фуко М.** Надзирать и наказывать / пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 482 с.
11. **Черноусова Л. Н.** Основные концепции гражданского общества: методологический аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 203-206.
12. **Cole D.** No Equal Justice: Race and Class in the American Criminal Justice System. N. Y.: The Free Press, 1999. 288 p.
13. **Duff A. R., Garland D. A.** Reader on Punishment. Oxford: Oxford University Press, 1994. 360 p.
14. **Irwin J., Cressey D.** Thieves, Convicts and Inmate Culture // Social Problems. 1962. № 10. P. 142-158.
15. **Matthews R.** Doing Time. An Introduction to the Sociology of Imprisonment. Basingstoke: Macmillan Press, 1999. 288 p.
16. **Morgan R., Malcolm E.** Preventing Torture: a Study of the European Convention for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. Oxford: Oxford University Press, 2000. 345 p.
17. **Newman G.** Crime and the Human Condition // Essays on Crime and Development. Rome: UNICRI, 1990. P. 128-154.
18. **Ward D. A., Kassebaum G. G.** Women's Prison: Sex and Social Structure. Chicago: Aldine, 1965. 280 p.

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS AND SOCIAL-CULTURAL CONSEQUENCES OF PUNISHMENT ALTERNATIVE METHODS

Tishchenko Natal'ya Viktorovna, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Saratov State Technical University named after Gagarin Yu. A.
mihailovan@inbox.ru

The author analyzes the theories that are the basis for classical penitentiary system formation, shows theoretical contradictions and social-cultural conflicts that occur as a consequence of penitentiary system functioning, which provoke the development of the methods for non-custodial sentence, presents the critical analysis and comparison of the international documents affirming the norms of alternative punishment methods with domestic reality, and as a result suggests the classification of the social and cultural barriers preventing the use of non-custodial sentence methods.

Key words and phrases: consequential theory of punishment; empirical researches of prison subcultures; penitentiary system; imprisonment; non-custodial sentences.

УДК 78.01

Исторические науки и археология

Статья раскрывает особенности формирования профессионального музыкального искусства Марийской АССР в 1930-е гг. и активную роль в этом процессе исполнительских коллективов. Автор анализирует деятельность Марийской хоровой капеллы и Ансамбля песни и пляски Марийской государственной филармонии, а также коллективов Марийского техникума искусств им. И. С. Палантая в контексте общей панорамы развития марийского профессионального музыкального искусства.

Ключевые слова и фразы: марийская профессиональная музыка; Марийская хоровая капелла; Ансамбль песни и пляски Марийской государственной филармонии; Марийский техникум искусств им. И. С. Палантая.

Цыкина Юлия Юрьевна, к.и.н., доцент
Марийский государственный университет
Suleimani@mail.ru

ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЕ КОЛЛЕКТИВЫ МАРИЙСКОЙ АССР В 1930-Е ГГ. КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА[©]

Становление и развитие профессионального искусства, в том числе и музыкального, является чрезвычайно актуальным для любой национальной культуры. При рассмотрении этого вопроса принимаются во внимание различные факторы – общеисторические, материальные, духовные, кадровые, послужившие толчком для формирования профессионализма.

1930-е гг. для марийского музыкального искусства являются временем, когда сформировалась система музыкального образования, был создан ряд условий для творчества национальных композиторов и, в связи с этим, появления крупных инструментальных жанров. Это было время подлинного становления профессиональной музыкальной культуры. Большую роль в этом процессе сыграли исполнительские коллективы Марийской АССР.

В 1931 г. в культурной жизни республики произошло знаменательное событие: благодаря 10-летнему юбилею Марийской автономной области и, соответственно, выделению материальных средств, а также согласно Постановлению Коллегии Народного комиссариата просвещения от 3 апреля 1931 г. был открыт Марийский техникум искусств. Именно это учебное заведение стало тем центром, куда стали стекаться видные музыканты-исполнители и композиторы, создавшие творческие коллективы, осваивавшие различные музыкальные жанры и поднявшие марийское музыкальное искусство на новую высоту.